

Влада Ясная

Ты моя, лисица!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Влада Ясная

Ты моя, лисица!

«Автор»

2026

Ясная В.

Ты моя, лисица! / В. Ясная — «Автор», 2026

Алиса – гинеколог. Она не спорит с матерью и годами терпит выходки любимого мужчины. Потому что если будешь удобной — тебя не бросят. Так она думала. Потап — хирург от бога, бабник от сохи. Два метра мышц, медвежий нюх и полное отсутствие тормозов. Он уверен: все бабы сами вешаются. И он во многом прав. Зина варит ему кофе и мечтает о кольце. Жанна ждёт в подсобке между операциями. Катюха ловит в машине после смены. Потап берёт своё и уходит, не оглядываясь. Алиса узнаёт о беременности и надеется: теперь он не бросит. Но вместо объятий слышит дурацкую шутку об отцовстве. И тихо исчезает из его жизни. Игра в кошки-мышки? Пожалуйста. Токсичная бывшая любовница с доносами? Разберёмся. Челюсти, когти и полнолуние на заднем дворе? Тоже бывает. Никто не обещал, что будет легко. Но у этой пары есть шанс — если медведь докажет, что готов меняться не на словах, а делом. Дерзкое эротическое фэнтези для тех, кто любит:– оборотней в городе,– перевоспитание альфачей,– и хэппи-энд.

© Ясная В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Удобная лисица	5
Глава 2. Утро хирурга-оборотня	11
Глава 3. Ужин для медведя	15
Глава 4. Лисьим нюхом по животу	19
Глава 5. В подсобке между операциями	22
Глава 6. Хрупкое	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Влада Ясная

Ты моя, лисица!

Глава 1. Удобная лисица

Алиса заканчивает приём в своей смотровой в тот самый момент, когда за окном гинекологического отделения окончательно темнеет, а последняя пациентка уносит в сумочке рецепт на гормональные препараты. Алиса снимает перчатки и несколько секунд смотрит на свои пальцы – длинные, с аккуратным маникюром, без колец. В тридцать два года она выглядит на двадцать пять, если не считать едва заметных теней под глазами, которые выдают привычку недосыпать и постоянно держать лицо. Идеальное лицо. Спокойное, доброжелательное, без намёка на то, что внутри, где-то под рёбрами, сворачивается в тугой узел тревога, знакомая ей с того самого детства, когда мама сначала обещала забрать её из школы вовремя, а потом не могла уйти с работы, и Алиса сидела у окна класса и смотрела на дорогу. Она давно научилась не показывать этого узла. Она давно научилась быть удобной – не задаёт лишних вопросов, не проверяет телефон, не устраивает скандалов из-за забытого дня рождения. Такая сама себя заворачивает в подарочную упаковку и перевязывает ленточкой, а потом удивляется, почему её так легко передарить или просто выбросить в мусорный бак вместе с сорванной ленточкой.

Алиса достаёт из тумбочки мобильный, который она принципиально не брала во время приёма, и видит пустой экран. Ни пропущенных, ни сообщений. Она знала, что ничего не будет – сегодня не тот день, не тот час, не тот месяц, чтобы он вдруг вспомнил о её существовании, но палец всё равно зависает над списком контактов, перелистывая его туда-сюда, туда-сюда, как дворники по мокрому стеклу.

Она не набирает его номер. Уже неделю, с тех пор как ушла, закрыв дверь так тихо, что он даже не проснулся. Иногда пишет со слезами в черновиках длинное сообщение, а потом стирает, потому что отправить – значит признать, что она всё ещё ждёт. А ждать – значит показывать слабость, а слабость – гарантия, что тебя бросят. Так она рассуждает, садясь в свою машину и заводя двигатель с глухим рыком, от которого у неё внутри что-то отзывается знакомой вибрацией – той самой, что когда-то давно, ещё в институте, заставляла её сердце биться чаще при одном звуке его шагов в коридоре общежития.

Воспоминания приходят сами собой, когда она выезжает на освещённую магистраль. Она вспоминает медфакультет, огромную аудиторию с анатомическими плакатами, на которых мышцы и нервы переплетались в узоры, похожие на карты метро.

Алиса сидела на своём обычном месте, на первой парте у окна, и переписывала с доски схему, когда по аудитории прошёл гул, похожий на шум улья, в который бросили камень. Все рванули к Зине – той самой, с волосами цвета воронова крыла и губами, покрашенными так ярко, что преподаватели делали ей замечания чаще, чем двоечникам. Зина сидела в третьем ряду, откинувшись на стул и демонстративно точила пилкой ногти, пока однокурсники толкались локтями, выкрикивая: «Зин, бери меня!», «Я с тобой, Зин!», «Ты же обещала!». Алиса наблюдала эту вакханалию с привычной отстранённостью – её никогда не выбирали первой.

Алиса уже решила, что будет работать одна, как вдруг чья-то тень накрыла её конспект. Она подняла голову и увидела Илью Медведева – Потапа, хотя тогда его никто так не называл, просто высокого первокурсника с медвежьей мощью в плечах и жёлтыми искрами в глубине зрачков, которые выдавали в нём оборотня. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его позе не было ни капли сомнения, только спокойная, почти ленивая уверенность человека, который привык, что ему уступают дорогу. Он всем своим видом демонстрировал, что пришёл сюда не учиться, а завоёвывать.

– Ты свободна? – спросил он, и голос его прозвучал так, будто он не спрашивал, а констатировал факт, который требовал лишь формального подтверждения.

Алиса сглотнула и кивнула, не доверяя своему голосу, потому что горло вдруг пересохло, а внутри всё сжалось в тугую комок – тот самый, который она носила в себе с детства.

– Ну и отлично, – сказал Потап и плюхнулся на соседний стул, даже не спросив разрешения. – Ты у нас отличница, я смотрел твои зачётки. Будешь моим напарником.

Он произнёс это не как вопрос, не как предложение, а как утверждение, и Алиса почувствовала, как по спине пробежал электрический ток, оставив после себя горячий, почти болезненный след.

– Но там нужна пара, – осторожно сказала она, всё ещё не веря, что это происходит наяву. – Ты уверен? Вон сколько желающих с Зиной...

– Зина – обсос, – перебил он, даже не обернувшись в ту сторону, где всё ещё кипела суэта. – Она уже переспала со всей группой и разругалась с кафедрой. Мне нужен кто-то, кто умеет работать, а не строить из себя королеву драмы.

Алиса не знала, как реагировать на комплимент, который звучал как оскорбление. Это была правда, но правда, которую она сама себе никогда не формулировала так прямо. Молчание стало её бронёй, её способом выживать, её единственным достоинством, которое кто-то наконец заметил.

– Хорошо, – сказала она, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала.

– Тогда в среду в шесть вечера в читалке, – бросил Потап, вставая, и добавил, уже отходя: – И не опаздывай.

Он развернулся и пошёл к выходу, не глядя на неё, даже не попрощавшись, и Алиса смотрела на его широкую спину, на то, как он легко, по-хозяйски, рассекает толпу сокурсников, и чувствовала, как внутри неё разворачивается что-то новое, ещё неизвестное, похожее на цветок, который долго поливали, а он всё не мог раскрыться, и вот наконец дождался тепла. Она перевела взгляд на Зину – та как раз подняла голову, проводила Потапа взглядом, полным обиды и неприкрытой злости, а потом уставилась на Алису с таким выражением, будто та украла у неё бриллиантовое кольцо и надела прилюдно.

– Ну и что он к тебе припёрся? – крикнула Зина. – Неужели больше никого не нашёл?

Алиса медленно сложила тетрадь, застегнула молнию и подняла глаза. Внутри что-то щёлкнуло.

– Наверное, устал от дешёвых духов, – ответила она ровно, и в аудитории повисла такая тишина, что стало слышно, как капает вода из крана в лаборантской.

Зина открыла рот, чтобы ответить, но Алиса уже встала, перекинула сумку через плечо и вышла, не оборачиваясь. В коридоре она столкнулась с Потапом – он стоял у окна, что-то писал в телефоне, и когда она поравнялась с ним, он поднял голову и коротко усмехнулся.

– Слышал, – сказал он. – А ты не так проста, как кажешься.

– Я не люблю, когда меня задевают, – ответила Алиса, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

– Это я уже понял, – он убрал телефон в карман и посмотрел на неё долгим взглядом, в котором, кроме обычной наглости, мелькнуло что-то ещё, похожее на интерес.

Он развернулся и ушёл, а она осталась стоять у окна, глядя на серое питерское небо, и чувствовала, как внутри неё разгорается то самое пламя, которое она так долго гасила, потому что боялась, что сожжёт себя дотла.

Они сидели в читальном зале до закрытия, и когда библиотекарьша погасила верхний свет, оставив только настольные лампы, Потап вдруг закрыл учебник, повернулся к ней и сказал: «Пойдём». Не спросил, не предложил – просто констатировал, как будто она всегда должна была идти за ним, куда он скажет. Алиса хотела возразить, что завтра сдавать клинический разбор, но слова застряли в горле, потому что она сама уже устала от сидения над конспектами

и от его запаха – горьковатого, лесного, с примесью дорогого табака, от которого кружилась голова сильнее любого алкоголя. Она кивнула, собрала вещи, и они вышли в коридор, где пахло дезинфекцией и старой мебелью, а потом он повернул не к выходу, а в противоположную сторону, к анатомическому корпусу.

– Ты куда? – спросила она, хотя уже знала ответ, потому что в его глазах зажёгся тот самый жёлтый огонь, который она видела, когда он провожал её до общежития и случайно коснулся рукой её талии.

– Не бойся, – ответил он, не оборачиваясь, и его голос прозвучал низко и хрипло, как будто он сам с трудом сдерживался. – Там никого нет.

Она не боялась его. Она боялась, что через минуту он передумает или что она сделает что-то не так, или что её выдаст дрожь в голосе, когда она попросит не останавливаться. Эти мысли роились в голове, пока он возился с замком подсобки анатомички, где хранились муляжи и старые препараты, а потом дверь со скрипом поддалась, и он втащил её внутрь, прижав к стене с такой силой, что лопатки упёрлись в холодную штукатурку, а на полу что-то звякнуло и покапало во тьму.

– Слушай, – прошептал он ей прямо в губы, и его дыхание обожгло кожу, – если не хочешь, скажи сейчас.

– Хочу, – выдохнула она, и это было первое слово, которое она сказала ему без страха, без оглядки, без привычки быть удобной и послушной.

Он поцеловал её грубо – не как в кино, медленно и нежно, а как зверь, который наконец добрался до добычи, и у неё подкосились колени, потому что в этом поцелуе не было ни капли сомнения, только абсолютная уверенность, что она нужна ему, что он хочет её прямо здесь, среди запаха формалина и старой резины, и что ей не нужно притворяться и сдерживаться. Его руки скользнули под её свитер, грубые, горячие, с длинными пальцами хирурга, и она застонала, сама не узнавая своего голоса – такого низкого, такого жадного, такого свободного от вечного контроля, от обязательства быть хорошей девочкой, от боязни, что её отвергнут, если она покажет желание.

– Потап, – прошептала она, и это имя вырвалось само собой, хотя раньше она называла его только по фамилии.

– Что? – его голос стал ниже, в нём прорезалось рычание, и она поняла, что он уже наполовину обернулся – это чувствовалось по тому, как изменился его запах, став более звериным, по тому, как шершавая кожа на его пальцах царапала её живот, по тому, как в полумраке блеснули его глаза, ставшие полностью жёлтыми, без единого намёка на человеческий зрачок.

– Ничего, – ответила она, и её собственное тело вдруг отозвалось на его близость чем-то древним, глубинным, тем, что спало в ней годами, потому что она не разрешала себе выпустить лису. Но сейчас, в этой подсобке, среди муляжей человеческих органов и старых банок с формалином, она почувствовала, как её нюх обостряется, как кончики ушей начинают чесаться, предвещая скорый выход наружу, и как внутри всё переворачивается от желания не просто лечь с ним, а сцепиться, покусаться, пометить его своим запахом, чтобы никто больше не посмел приблизиться.

– Если ты сейчас не обернёшься, – прорычал он, вжимая её в стену так, что она не могла пошевелиться, – я сделаю это сам.

Она не знала, как это происходит у медведей, но у лис всё начиналось с гнева или с дикого, неконтролируемого желания. И сейчас сработало второе: по телу прошла судорога, кости заныли, перестраиваясь, и она почувствовала, как из-под копчика вырастает хвост – пушистый, рыжий, который распушился в тесном пространстве, задевая ящики стола. Она наклонилась и поцеловал её в шею, прямо туда, где билась сонная артерия, и это прикосновение губ к её открытой коже, пахнувшей теперь не духами, а лесом и чем-то сладким, лишало последних тормозов.

– Ты невыносима, – прохрипел он, разрывая на ней тонкую ткань блузки – она слышала треск, но не остановила его, потому что внутри уже всё горело, и не было никакого значения, что завтра нужно будет возвращать форму и скрывать следы его когтей на своей коже.

Он отстранился на секунду, и она почувствовала, как её лишили его тепла, и это показалось почти пыткой. Но его руки никуда не делись – одна сжимала её талию, не давая упасть, а вторую он вдруг поднёс к своим губам и медленно, с нарочитой неторопливостью, облизал средний и указательный пальцы, проводя языком от основания до самых кончиков, так, что в полумраке блеснула слюна, и Алиса сглотнула, потому что этот жест был откровеннее любого слова, грязнее любого шёпота, и он смотрел на неё при этом не отрываясь – жёлтые глаза в жёлтых глазах, зверь напротив зверя.

– Раздвинь ноги, – приказал он, и это не было просьбой.

Она послушалась, потому что хотела этого, потому что его пальцы – влажные, горячие, скользкие от слюны – скользнули под край её джинсов, а потом и ниже, встречая уже знакомую влажность, которая натекла там от одного только поцелуя и его запаха. Он не стал сразу входить – сначала провёл кончиками пальцев по складкам, едва касаясь, дразня, размазывая её собственное возбуждение по нежной коже, и она выгнулась, подаваясь навстречу, но он отодвинул руку и усмехнулся.

– Не торопись, – прорычал он ей прямо в ухо, и дыхание обожгло кожу. – Мы никуда не спешим.

Он снова провёл пальцами, теперь медленнее, входя в неё на полфаланги, не глубже, и она почувствовала, как внутри всё сжимается от этого недостатка, от этой сладкой пытки. Он массировал вход круговыми движениями, не торопясь углубляться, и каждый его жест был выверен – как в операционной, когда он знает, где резать, а где гладить. Алиса застонала, вцепившись в его плечи, и он наконец вошёл в неё одним пальцем – плавно, мягко, на всю длину, и это не было больно, это было восхитительно, потому что он чувствовал, как раздвигаются её стенки, как она принимает его.

– Ещё, – прошептала она, сама не веря, что это сказала. – Ещё, Потап.

– Так тебе нравится? – спросил он, и в его голосе звучала та самая ленивая усмешка, от которой она раньше бесилась, а сейчас хотела только одного – чтобы он не останавливался.

Он добавил второй палец, осторожно, смазывая их её же соком, входя и выходя медленно, растягивая не резко, а постепенно, давая ей время привыкнуть. Он двигал пальцами внутри неё, то сжимая, то разжимая, находя тот самый шершавый участок на передней стенке, от чего у неё подкашивались колени, и надавливал на него с каждым толчком, заставляя её скулить и царапать его спину.

Он вытащил пальцы, на секунду оставив её пустой и ноющей, потом снова облизал их, теперь уже три – средний, указательный и безымянный, – и снова вошёл. Она почувствовала, как жидкость, скопившаяся внутри, потекла по его пальцам, по её бёдрам, пропитывая джинсы и оставляя на коже липкий след. Он двигал ими быстро, жёстко, растягивая её, готовя к чему-то большему, и каждое его движение сопровождалось влажным, неприличным звуком, от которого у неё горели щёки, но сил стесняться уже не было – было только желание, чтобы он вошёл в неё по-настоящему, и чтобы этот момент никогда не кончался.

– Потап, – снова простонала она, и её голос сорвался на вскрик. – Я сейчас...

– Нет, – перебил он и резко вытащил пальцы, оставив её пустой, дрожащей, на грани оргазма, который она уже почти поймала. – Не сейчас. Сначала ты сделаешь то, что я хочу.

Он поднёс свои мокрые, блестящие пальцы к её губам и сказал: «Открой рот». Она открыла, не думая, и он всунул их ей в рот – все три сразу, и она почувствовала собственный вкус, кисловатый и солёный, смешанный с его слюной, и это было так унижительно и так правильно, что она лизнула их сама, обвела языком каждый палец, втягивая в себя остатки своего возбуждения, а он смотрел на неё сверху вниз, и в его жёлтых глазах горел огонь, который

она никогда раньше не видела – не только желание, но и власть, и одобрение, и что-то ещё, похожее на нежность.

Алиса не поняла, как оказалась на старом кожаном диване, который стоял в углу подсобки и помнил, наверное, не одно поколение студентов. Его шерсть на груди, густая и тёплая, щекотала её оголённые плечи, когда он навис над ней, и она запустила пальцы в его волосы, сжала так, что он зарычал, и это рычание прокатилось по её телу электрическим разрядом, от которого у неё заныло внизу живота.

– Потап, – снова прошептала она, и теперь в её голосе тоже звучал рык – низкий, лисий, который она никогда не слышала прежде и который напугал её до дрожи, но он, наоборот, услышал и оскалился, показывая клыки.

– Ну давай, – сказал он, и в его глазах горело уже не просто желание, а вызов, игра, охота, в которой они оба были и хищниками, и добычей одновременно. – Покажи, на что ты способна.

Она не стала ждать, не стала просить. Она толкнула его в грудь, и он, не ожидая такой наглости, опрокинулся на спину, а она оказалась сверху, вцепившись когтями в его плечи. Она наклонилась и укусила его за край шеи – не больно, а так, чтобы остался след, чтобы он помнил эту ночь, когда она, тихая и незаметная Алиса, превратилась в зверя, который берёт своё, не спрашивая разрешения.

– Ты с ума сошла, – выдохнул он, но его руки уже сжимали её бёдра, притягивая ближе, и она чувствовала, как его член – огромный, твёрдый, почти звериный – упирается в её низ живота, и всё её тело отвечает на это влажным, горячим, нетерпеливым напряжением.

– Может быть, – ответила она и опустила на него, плавно, глубоко, так, что у неё потемнело в глазах от удовольствия, смешанного с болью, которая была ей нужна, как глоток воздуха после долгого пребывания под водой.

Он застонал – низко, протяжно, и его когти впились ей в бёдра, оставляя алые полосы, которые она потом будет рассматривать в зеркале общежития, но сейчас не думала ни о чём, кроме ритма, который они задавали вместе – она сверху, он снизу, их тела сплетались в единый узел, а лисьи уши ловили каждый его всхлип, каждый выдох, каждое: «Ещё! Не останавливайся». Они двигались жёстко, почти жестоко, потому что ни один из них не умел по-другому – он привык брать, она привыкла терпеть, но сейчас это терпение обернулось требованием, и она сжимала его внутри себя так сильно, что он вцепился зубами ей в плечо, и из ранки выступила кровь, смешиваясь с запахом пота, формалина и той самой лесной, звериной свободы, о которой Алиса даже не догадывалась до этой ночи.

Она кончила громко, навзрыд, выгибаясь дугой и вонзая ногти ему в грудь, – он перевернул её, навалился сверху и вошёл снова, и теперь уже она не могла даже стонать, потому что каждое движение выбивало из неё воздух, а его звериное рычание заглушало собственный пульс, который стучал в ушах как набат. Он кончил следом, уткнувшись лицом в её рыжие волосы, и несколько секунд они лежали неподвижно, тяжело дыша, как два зверя после долгой охоты.

– Ты... – начал он, но не закончил.

– Что я? – спросила она, чувствуя, как её хвост медленно сворачивается, а уши прячутся обратно, возвращая человеческий облик.

– Ты не такая, как я думал, – ответил он и поцеловал её в уголок губ – не грубо, почти нежно, и это движение смазало все границы между ними, сделав её уязвимой снова, но теперь уже добровольно.

Она тогда не заметила, что после каждой такой ночи он исчезал на несколько дней. И спустя уже десять лет ничего не меняется – только запах его кожи на губах и горьковатый привкус счастья.

О беременности она узнала недавно совсем случайно – кровь сдавала для диспансеризации, а лаборатория прислала результаты с пометкой «ХГЧ повышен». И хотя учуяла какой-то новый запах, исходивший от тела, еще раньше, она списала это на усталость.

Она кладёт трубку, садится на край кушетки в своей смотровой и смотрит на белый халат, на свои руки, которые только что держали телефон, на живот, который ещё совсем плоский, но уже хранящий в себе чью-то жизнь. Первая реакция – страх. Такой сильный, что подкатывает к горлу тошнота, не имеющая ничего общего с токсикозом. Она боится, что не справится, что окажется плохой матерью, повторит судьбу своей мамы. Надежда, такая острая и болезненная: теперь он не бросит её. Теперь он будет с ней – медведи не бросают детёнышей, это в инстинктах, в том самом жёлтом огоньке его глаз.

Еще одна мысль приходит позже, и эта мысль похожа на паразита, который впивается в мозг и начинает грызть его изнутри: «А вдруг он усомнится?»

Глава 2. Утро хирурга-оборотня

Потап просыпается от того, что в горле застрял собственный рык. Ему снилась охота: он бежал по лесу, ломая кусты, догоняя огромного лося, который уходил зигзагами. Тело всё ещё дрожит от адреналина, член стоит колом, а медвежья шерсть дыбится. Он садится на кровати, проводит ладонью по лицу и несколько секунд смотрит на свои пальцы, где когти ещё не спрятались – жёлтые, изогнутые, опасные. Пора в душ.

Холодная вода обжигает не хуже кипятка, когда он встаёт под ледяные струи, не дожидаясь, пока нагреется бойлер, и это единственный способ успокоить зверя, который рвётся наружу после каждой полной луны и после каждого сна про погоню. Он трёт мочалкой грудь, где слева, чуть ниже соска, белеет длинный шрам – от когтей конкурента в прошлой драке за территорию, когда он только пришёл в эту больницу и нужно было доказать местным оборотням, кто здесь главный хищник. Другие шрамы, помельче, от пациентов, которые приходили в сознание слишком рано, от аварий – всё это карта его жизни, нарисованная на коже крупными, неровными мазками. Он выключает воду, вытирается насухо и смотрит на себя в запотевшее зеркало – два метра мышц, волосатая грудь, квадратная челюсть и глаза, которые уже вернули свой обычный серый цвет, но жёлтая искра в глубине остаётся навсегда, как клеймо зверя.

Квартира встречает его запахом вчерашнего ужина, который так и не выветрился, и дешёвыми духами Зины, оставшимися на подушке. Он морщится, открывает окно настежь и выпускает в берлогу сырой воздух с примесью выхлопных газов и прелых листьев. На кухне он выпивает стакан воды залпом, потом второй, потом наливает себе чёрный кофе в кружку с треснувшей ручкой, которую всё никак не выбросит, и смотрит в окно, где внизу дворники уже сгребают в кучи прошлогоднюю листву, а дворовая кошка трётся о колесо припаркованной машины. Сегодня у него три операции – плановая холецистэктомия, лапароскопия и срочная резекция, если привезут, а после обеда обход и разбор полётов с главврачом, который терпеть его не может, но терпит, потому что Потап спасает тех, кого другие боятся резать.

Он одевается быстро – чёрные брюки, белая рубашка, которую он не застёгивает на две верхние пуговицы. Выходя из подъезда, он машинально трётся плечом о бетонный столб, оставляя невидимый для людей, но понятный другим оборотням запах метки: «это моя территория, идите лесом».

Джип заводится с пол-оборота, рычит двигателем, и Потап выруливает на проспект, вливаясь в утренний поток таких же хищников, спешащих на свои охоты.

Потап паркуется на своём месте, выходит из машины, поправляет пиджак и замечает, как медсестры у крыльца перешёптываются и провожают его взглядами, полными восхищения и любопытства. Он не улыбается им, не кивает, просто идёт, чеканя шаг, и слышит за спиной: «Идёт наш красавчик», «Говорят, у него вчера был день рождения», «А мне он в прошлую смену подмигнул».

Больница встречает его запахами хлорки, антисептиков и страха – того самого, который выделяют пациенты, когда ждут своей очереди на операцию. В ординаторской у его стола уже стоит бумажный стаканчик с кофе – медовый раф, без сахара, и пахнет от него кленовым сиропом и заботой. Рядом, прямо на стопке историй болезней, лежит шоколадка «Алёнка», и Потап усмехается, потому что знает: это Зина подлизывается после вчерашнего, когда он выгнал её в полночь, потому что она начала ныть про отношения и общий быт. Он садится в кресло, откидывается на спинку и делает большой глоток. Молодой интерн Костя, который сидит за соседним столом и делает вид, что читает журнал, косится на него с таким выражением, будто хочет что-то спросить, но боится и потому просто вертит в руках ручку.

– Кость, – окликает его Потап. – Ты чего крутишься, как уж на сковородке?

– Да нет, ничего, – Костя краснеет и утыкается в монитор, но через минуту снова поднимает голову. – Илья Потапович, а правда, что у вас вчера была та самая операция – пересадка почки с живым донором?

– Правда, – коротко отвечает Потап, допивая кофе. – Пациент жив, донор тоже. Что ещё?

– Ничего, – Костя снова краснеет и замолкает.

В этот момент дверь ординаторской открывается, и входит Зина – накрашенная, в обтягивающей форме медсестры, с идеально уложенными волосами и запахом, от которого у Потапа внутри всё переворачивается не от желания, а от отвращения. Она пахнет дешёвыми духами – приторно-сладкими, с нотками ванили и мускуса, которые имитируют естественные феромоны, но имитируют плохо, оставляя во рту химозный привкус. Потап знает, что она обычная человеческая женщина, и её запах от природы совсем другой – простой, почти пресный.

Зина подходит ближе, кладёт руку ему на плечо, и её пальцы, с длинными красными ногтями, начинают массировать его шею.

– Илюш, ты сегодня какой-то хмурый, – мурлычет она, наклоняясь так, что её грудь почти касается его щеки. – Может, кофе невкусный? Принести другой?

Потап молча берёт её за запястье и тянет на себя, заставляя сесть к себе на колени. Зина взвизгивает от неожиданности, потом улыбается победно и обвивает его шею руками, прижимаясь всем телом. Он проводит ладонями по её спине, спускается ниже, сжимает ягодицы – мягкие, пышные, именно такие, какие он любит в человеческих женщинах, потому что в них есть что мять и тискать, в отличие от поджарых оборотней, которые вечно сидят на диетах. Зина стонет, трётся о его пах, и он чувствует, как её соски твердеют под тканью халата.

Потап резко поднимается, подхватив её на руки, чтобы отнести за шкаф, где хранятся старые карты и перевязочные материалы, – туда, где с ординаторской не видно, но если прислушаться, то слышно всё. Он прижимает её лицом к стене и задирает юбку.

Зина послушно раздвигает ноги, глядя на него снизу вверх с тем выражением голодной кошки, которое у всех этих женщин одинаковое – смесь покорности и требования. Но Потап не спешит. Он садится на корточки, раздвигает её колени шире и смотрит на то, что под юбкой – хлопковые трусы с кружевным краем, чуть влажные уже от одного только предвкушения.

– Ты сегодня без стрингов? – усмехается он, проводя пальцем по полоске кружева.

Он не говорит, что ему всё равно, он просто запускает руку под трусы и накрывает её лобок широкой ладонью, чувствуя жар, исходящий оттуда. Зина выгибается, опираясь на локти, и он начинает водить пальцами по её складкам – медленно, почти лениво, изучая, где влажно, а где сухо, где чувствительно, а где можно надавить чуть сильнее. Её клитор отвечает на его прикосновения мгновенно – она дёргается, открывает рот и начинает жадно дышать.

Он ласкает её долго – минуту, две, три, – круговыми движениями, то ускоряясь, то замедляясь, и с каждым разом Зина становится всё мокрее, всё громче, её бёдра начинают дрожать, а руки скользят по стене, потому что она уже на грани, уже почти там, где хочется кричать, но он не даёт ей кончить

– Потап, ну зачем ты, – скулит она, щёки горят румянцем.

– Затем, – отвечает он и встаёт, расстёгивая ширинку.

Он достаёт из кармана халата презерватив. Зина искоса смотрит на его член – огромный и толстый – и в её глазах мелькает испуг, потому что она каждый раз боится, что он её порвёт. Потап помнит об этом. Потап медленно натягивает презерватив, потом прижимается к ней сзади, упираясь стволем между её ягодиц. Одну руку он запускает в вырез медицинского халата, который накинута поверх платья, – халат расходится, и его пальцы находят её грудь, налитую, тяжёлую, с твёрдым соском, который он сжимает и оттягивает, заставляя Зину выгнуться ещё сильнее. Второй рукой он снова находит её клитор, уже мокрый, скользкий от сока, и начинает водить по нему большим пальцем, подготавливая к входу.

– Терпи, – говорит он, убирая пальцы, и берёт себя в руку, направляя головку ко входу.

Он входит на пол шишечки, не больше, давая ей привыкнуть к ширине.

Она задерживает дыхание, закусывает губу, и он ждёт, не двигаясь, чувствуя, как её мышцы сжимаются и разжимаются, пытаюсь принять его. Потом – ещё чуть-чуть, и ещё, миллиметр за миллиметром, растягивая её медленно, почти бережно, хотя внутри всё кипит и хочется просто войти резко, глубоко, одним движением.

Когда он входит наконец полностью, Зина выдыхает, утыкается лбом в стену, и он замирает на несколько секунд, давая ей время привыкнуть к его размеру. Его пальцы не останавливаются – одна рука по-прежнему мнёт её грудь, вторая продолжает водить по клитору, теперь уже в такт лёгким покачиваниям бёдер. Потап начинает двигаться – плавно, почти не выходя, и с каждым толчком Зина становится всё мокрее, её сок стекает по бедрам. Он чувствует, как её внутренние мышцы пульсируют в ответ на каждое движение его пальца на клиторе, и ему нравится наблюдать, как человеческая женщина теряет контроль под его руками.

Зина кончает быстро – с тихим, протяжным стоном, вцепившись ногтями в стену, и Потап чувствует, как её тело содрогается, сжимая его изнутри. Он продолжает двигаться, теперь уже не сдерживаясь, и через минуту кончает сам, уткнувшись лицом в её взмокшие волосы и вдыхая смесь дешёвых духов и настоящего, человеческого пота.

Он выходит из неё, снимает презерватив, завязывает узлом и бросает в мусорное ведро. Зина стоит, всё ещё дрожа, поправляя халат и юбку, и смотрит на него с выражением, которое он не хочет расшифровывать.

– Скажи, что женишься на мне, – шепчет она.

– Замолкни, – отвечает он и выходит из-за шкафа, даже не взглянув на неё.

В ординаторской Костя сидит с каменным лицом, уткнувшись в журнал, который держит вверх ногами, и Потап про себя усмехается, но ничего не говорит. Так-то, юнец!

В операционной его ждет бригада – медсестра Таня, уже пожилая, с руками, помнящими ещё советские скальпели, анестезиолог Жанна, высокая блондинка, с которой он иногда трахался в подсобке между операциями, и интерн, которого прислали к нему на стажировку из ординатуры. Потап надевает перчатки, подходит к столу, где под наркозом лежит мужчина лет пятидесяти с камнем в жёлчном пузыре, и коротко делает знак Жанне. Пациент уже отключился.

Операция проходит идеально – Потап работает как машина, чётко, быстро, без лишних движений, разрезает, удаляет, зашивает, и даже старый хирург Скворцов, который наблюдает за ним из соседней операционной, одобрительно качает головой, когда Потап за пятнадцать минут делает то, на что у других уходит сорок. Он любит свою работу не за деньги и не за статус, а за эти моменты абсолютного контроля, когда его руки, знающие анатомию лучше любого учебника, творят чудо, а здоровье возвращается к человеку, который утром уже не надеялся на лучшее. В операционной Потап – бог, сосредоточенный, спокойный, почти нежный с тканями, и медсёстры его уважают, даже боятся, но не за грубость, а за этот ледяной, почти потусторонний профессионализм.

После операции он снимает перчатки, бросает их в утилизатор и идёт в раздевалку, где уже ждёт Жанна – она стоит у шкафчиков, расстегнув халат и покачивая бёдрами, и на её лице застыла та самая ленивая, порочная улыбка, которую он знает наизусть.

Он не обещает ничего. Он вообще не умеет обещать – ни слов, ни поступков, ни даже взглядов. Он просто берёт – своё, чужое, удобное, – и уходит, а они остаются и ждут, как собаки на вокзале, которая знает, что хозяин не вернётся, но продолжает сидеть у дверей. Раньше это его не волновало. Раньше он вообще не думал о том, что чувствуют те, кого он бросает. Но сейчас, когда он кончает и отстраняется, застёгивая штаны, в голову вдруг приходит странная, неуместная мысль: «А Алиса тоже так ждала?» Он выбрасывает её через секунду, как мусор, но осадок остаётся – горький, неприятный, и этот осадок не смывается холодной водой, как запахи чужих женщин.

День тянется бесконечно – ещё одна операция, консилиум, в который он вставляет свои замечания с обычной бесцеремонностью, обход в реанимации, где пациенты смотрят на него как на спасителя. К вечеру он устаёт физически – мышцы ноют, спина затекает, – но зверь внутри всё ещё требует движения, драки, погони.

Потап заходит в пустую квартиру, скидывает пиджак на диван и идёт в душ, смывая с себя запах Зины, въевшийся в кожу. Он стоит под холодной водой, уткнувшись лбом в кафель, и вдруг его медвежий нюх улавливает знакомый аромат – пудровый, сладковатый, с горьковатой ноткой, от которой перехватывает дыхание. Алиса. Он вылетает из душа мокрым, натывается на косяк, влетает в спальню – но там пусто, только приоткрыто окно и шторы колыхнутся на сквозняке.

Глава 3. Ужин для медведя

Алиса возвращается с работы, нагруженная пакетами из супермаркета, где она купила дорогой стейк, молодой картофель, рукколу и бутылку красного полусладкого – того самого, который Потап пьёт, когда приходит к ней, не предупреждая, потому что предупреждать он не умеет и не хочет, а она уже привыкла закупаться продуктами на неделю вперёд, чтобы в любой момент быть готовой накормить своего медведя.

В прихожей она снимает пальто, вешает его на плечики, ставит сумки на пол и смотрит на телефон – ни одного сообщения, ни одного пропущенного, и внутри снова сворачивается тот самый ком тревоги, который она носила с собой со школы. Она запрещает себе думать о том, что он может не прийти сегодня, потому что сегодня особенный день – она получила результаты анализов, и теперь в её животе, под сердцем, растёт маленькая жизнь, о которой он пока не знает, но скоро узнает, и тогда всё изменится.

Алиса достаёт мясо, разогревает сковороду и чистит картошку, когда слышит, как в замке поворачивается ключ.

Потап вваливается в прихожую, не здороваясь, скидывает ботинки и идёт на кухню. Алиса смотрит на него и чувствует, как сердце ухает вниз, а потом взлетает куда-то выше, потому что он пришёл, он здесь, и значит, сегодняшний вечер не будет одиноким и пустым. Потап подходит к плите, заглядывает в сковороду, одобрительно кивает и берёт со стола помидор, откусывая сразу половину.

– Мясо ещё не готово, – говорит Алиса, помешивая картошку. – Минут десять.

– Я ждал целый день, подожду ещё десять минут, – отвечает он и садится за стол, откидываясь на стул и закидывая ногу на ногу. – Накорми меня, Лиса. Я с голодудохну.

Она улыбается, внутри разливается тепло, похожее на жидкий мёд, и она сервирует ему тарелку – стейк с кровью, картофель с укропом, салат, хлеб, масло. Потап ест с жадностью, не разжёвывая, хлебает сок прямо с тарелки, а она сидит напротив и смотрит на него, почти не прикасаясь к своей еде, потому что смотреть на то, как он ест, – это отдельное удовольствие, такое же интимное, как его поцелуи. Он огромный, грубый, невоспитанный, и она знает, что никакая другая женщина не станет терпеть его манеры и его молчание, но ей этого мало – она хочет быть единственной, кто будет готовить для него ужин и смотреть, как он крошит хлеб в тарелку, облизывая пальцы.

– Ты сегодня какая-то нервная, – замечает он, поднимая глаза и внимательно глядя на неё. – Опять на работе проблемы?

– Нет, – отвечает Алиса, чувствуя, как её щёки краснеют. – Всё нормально.

Она хочет сказать ему о беременности, уже открывает рот, но Потап отодвигает пустую тарелку, встаёт, подходит к ней и притягивает за подбородок, заставляя смотреть вверх.

– Нормально, говоришь? – усмехается он, и его палец проводит по её нижней губе. – А почему тогда у тебя глаза блестят и руки трясутся?

Алиса сглатывает, его запах – лесной, мускусный, с примесью дорогого табака – забивает все рецепторы, и она чувствует, как внутри всё переворачивается от желания и страха одновременно. Она снова открывает рот, чтобы сказать, но он не даёт – целует её грубо, жёстко, прижимая к спинке стула так, что лопатки упираются в дерево, и язык проникает в рот без спроса, хозяйничая и лаская. Она забывает про новость, забывает про анализы, забывает про всё, кроме его рук, которые уже расстёгивают её блузку и сминают кружево бюстгальтера.

– Потап, – выдыхает она ему в губы. – Я хотела тебе сказать...

– Потом, – перебивает он, не слушая, и подхватывает её на руки, чтобы отнести в спальню.

Она не сопротивляется, потому что это их обычный ритуал – он приходит, ест, трахает её, засыпает, а она лежит рядом и гладит его по волосам, чувствуя себя нужной хотя бы на несколько часов. Потап бросает её на кровать, и она смеётся, потому что уже привыкла к его грубости и даже любит её – это честнее, чем притворная нежность от тех мужчин, которые уходили на следующее утро, даже не попрощавшись.

В спальне он включает торшер, который она купила специально для таких вечеров – мягкий, тёплый свет, не режущий глаза, – и начинает раздеваться сам, не глядя на неё, но она смотрит, затаив дыхание. Его тело, огромное, со шрамами, с густой шерстью на груди, которая сейчас, после смены, кажется особенно тёмной и жёсткой, вызывает у неё животный трепет, который она не испытывала ни с одним другим мужчиной. Потап замечает её взгляд, усмехается и наклоняется к ней, рывком сдёргивая блузку, юбку, трусы – одним движением.

– Лежи, – приказывает он, и она подчиняется, раскинувшись на простынях, мокрая от одного только его голоса.

Он не спешит. Он садится на край кровати и смотрит на неё оценивающим взглядом, как на рентгеновском снимке, изучая изгибы, родинки, места, где её кожа особенно нежна и уязвима. Алиса ёрзает под этим взглядом, чувствуя, как её соски твердеют, а между ног становится влажно и горячо, и она не знает, куда деть руки, чтобы не выдать своего нетерпения.

– Трогай себя, – говорит он, и это звучит не как просьба, а как команда. – Я хочу посмотреть.

Она закрывает глаза от стыда и возбуждения, потом медленно проводит ладонью по животу, от рёбер до пупка, от пупка до низа, где уже всё ноеет от тяжести и жара. Её пальцы скользят по бёдрам, по внутренней стороне, где кожа особенно нежная, и она слышит, как он выдыхает, и этот выдох подстёгивает её, заставляет ускориться. Она касается себя между ног, там, где уже всё плавится и течёт, и чувствует, как клитор пульсирует под её собственными пальцами, но это не то, не то удовольствие, потому что ей нужно его тепло, его грубость, его руки.

Алиса вздрагивает, когда Потап внезапно наклоняется и накрывает её правую грудь своей широкой ладонью, сжимая так, что сосок упирается в его шершавую кожу, и трогает её в такт её собственным движениям – она водит по себе, он массирует грудь, оттягивает сосок, крутит его между большим и указательным пальцами, и от этого её дыхание сбивается, а тело выгибается навстречу. Она чувствует, как её рука двигается всё быстрее, как два пальца раздвигают влажные складки и входят внутрь, но этого мало, слишком мало, и она открывает глаза, чтобы посмотреть на него – он смотрит на неё не отрываясь, жёлтые искры в его зрачках пляшут, и его собственная рука на её груди становится жёстче. Алиса стонет, кусает губу, и в этот момент он убирает её руку.

– Терпи, – рычит он и накрывает её лобок своей широкой ладонью, надавливая на клитор большим пальцем.

Алиса стонет, выгибается, и Потап начинает ласкать её – медленно, круговыми движениями, то нажимая, то отпуская, пока она не начинает скулить и царапать простыни. Он вводит в неё пальцы, растягивая, подготавливая, и она чувствует, как её сок стекает по его руке, капает на ягодицы, пачкает кровать, но ей уже всё равно – есть только его пальцы, его большой палец на клиторе и пульсирующая пустота внутри, которая хочет, чтобы он вошёл. Он делает это долго, доводя её до грани, а потом отнимает руки, оставляя пустой и дрожащей.

– Потап, – умоляет она, глядя на него мутными глазами. – Пожалуйста...

– Что – пожалуйста? – он склоняется над ней, и его член упирается ей в живот – огромный, твёрдый. – Говори, чего ты хочешь.

– Тебя, – выдыхает она. – Войди в меня.

– Сначала ты сделаешь то, что я скажу.

Он переворачивает её на живот, приподнимает бёдра, заставляя встать на четвереньки, и сзади проводит пальцами по влажным складкам, собирая сок и размазывая его по всей промежности. Алиса дрожит, уткнувшись лицом в подушку, чувствуя себя одновременно униженной и желанной до безумия. Потап наклоняется, кусает её за загривок. Алиса чувствует, как растёт и пушится ее хвост, как удлиняются и обрастают шерстью ее уши.

Он входит резко, глубоко, одним движением, но это никогда не бывает больно, только остро, только горячо, только так, что из глаз летят искры.

– Тише, – рычит он, сжимая её бёдра так, что останутся синяки, и начинает двигаться – жёстко, с оттяжкой, почти выходя и снова вколачиваясь на всю глубину.

Она чувствует каждый миллиметр его члена, каждую пульсацию, и её собственная влага течёт по нему, по её ногам, по простыням, делая тесный вход скользким и податливым. Потап одной рукой сжимает её грудь, теребит сосок, второй шлёпает по ягоднице, и от этого удара она кончает – резко, громко, выгибаясь дугой, и он продолжает двигаться, не сбавляя темпа, пока её внутренние мышцы сжимаются и разжимаются в конвульсиях.

– Не смей останавливаться, – командует он, и она не останавливается, потому что не может, потому что каждое его движение вызывает новую волну, новую пульсацию, новый горячий толчок удовольствия. А потом его голос меняется – становится ниже, глубже, в нём прорезается медвежье рычание, от которого у Алисы волосы на затылке встают дыбом, а её собственный лисий хвост, вырвавшийся из копчика в момент оргазма, начинает мелко дрожать. Потап замечает это, хватая хвост за самый кончик, там, где пушистая шерсть особенно чувствительна, и она вскрикивает от неожиданности и нового удовольствия, которое разливается по позвоночнику.

Ритм меняется – он больше не вколачивается глубоко и размашисто. Его толчки короткие, мелкие, почти судорожные, он входит ровно настолько, чтобы задеть ту самую точку внутри, и выскальзывает, и снова входит, не давая ей ни секунды передышки. Алиса уже не стоит, она скулит, царапает простыни, пытается уползти, потому что это слишком остро, слишком много, но он держит её за хвост зубами и за бёдра руками, и у неё нет никакой возможности вырваться.

Она кончает даже не поняв, когда именно начался этот оргазм, и теперь волны накатывают одна за другой, не прекращаясь, смешиваясь в сплошной горячий поток, по которому течёт её собственное возбуждение, заливая бёдра и простыни. Потап рычит громче, зажимает хвост сильнее, входит резче, мельче, быстрее, и когда она уже чувствует, что теряет сознание от перенапряжения, он кончает сам – с протяжным, низким рыком – больно и сладко, грубо и нежно – её накрывает новая, самая долгая волна, и мир перед глазами распадается на миллион горячих осколков.

Она дрожит мелкой дрожью, – а потом он выходит, ложится на спину и закрывает глаза.

– Иди сюда, – говорит он, чуть приподнимая руку.

Алиса послушно прижимается к нему, кладёт голову на его волосатую грудь, и слушает, как его сердце постепенно успокаивается. На тумбочке стоит бокал недопитого вина, и в голове вертится мысль, которую она так и не успела озвучить: «Я беременна». Она пытается собраться с духом, приподнимается на локте, заглядывает ему в лицо – он уже засыпает, веки тяжёлые, дыхание ровное, медвежье урчание где-то глубоко в груди.

– Потап, – тихо зовёт она. – Я хотела тебе сказать...

– М-м-м, – мычит он, не открывая глаз. – Потом, Лиса. Сейчас спать.

Через минуту он отключается, и Алиса остаётся лежать рядом, чувствуя, как внутри неё сворачивается тот самый ком тревоги, смешанный с надеждой и разочарованием. Она смотрит на него – огромного, расслабленного, такого сильного и такого слепого к её потребностям, – и гладит его по плечу, где под кожей перекачиваются мышцы.

Она включает телевизор. На экране идёт какой-то старый фильм, и голоса актёров смешиваются с дыханием Потапа, создавая иллюзию уюта. Алиса не спит, она лежит и думает о том, что завтра, может быть, послезавтра, она всё-таки скажет ему, и тогда, возможно, он услышит, а не отмахнётся, как сегодня. Она знает, что это глупо – надеяться на чудо, когда чудес не бывает, но внутри неё уже растёт это маленькое чудо. Потап что-то бормочет во сне, переворачивается на бок, утягивая её за собой, и она засыпает, прижавшись к его спине, чувствуя его запах и тепло, и временная забывчивость стирает все страхи, оставляя только надежду, которая живет своей жизнью, не спрашивая разрешения.

Но среди ночи она просыпается от того, что его рука тяжело лежит на её груди, а дыхание ровное и спокойное. Алиса смотрит в потолок и прокручивает в голове его сегодняшнюю фразу, которую он бросил на кухне, когда она пыталась скрыть дрожь: «Нормально, говоришь? А почему тогда у тебя глаза блестят и руки трясутся?» Он видел. Он заметил. Но даже не спросил, что случилось, просто отмахнулся и переключился на секс, потому что ему плевать на её состояние, на её нервную дрожь, на её попытки сказать что-то важное. Ей плевать, что внутри неё живёт его ребёнок, о котором он даже не знает и, возможно, не захочет знать.

Внутри Алисы что-то щёлкает – не обида, не злость, а холодное, твёрдое, ледяное решение, которое она сама ещё не осознаёт, но тело уже чувствует его. Она осторожно выскальзывает из его объятий, садится на край кровати и долго смотрит на его лицо – расслабленное во сне, такое красивое и такое чужое. Она гладит его по волосам, и в последний раз позволяет себе эту слабость, потому что знает: скоро всё изменится. Не завтра и не послезавтра, но скоро.

– Я больше не буду удобной, – шепчет она в пустоту, даже не в полный голос, одними губами, и в темноте её лисьи глаза, отражая свет уличного фонаря, вспыхивают жёлтым, как два маленьких пожара, которые уже не потушить.

Глава 4. Лисьим нюхом по животу

Алиса сидит в своём кабинете и перебирает стопку амбулаторных карт, которые ждут своей очереди с утра, когда в приёмную входит медсестра Надя, пожилая женщина с вечно озабоченным лицом и руками, пахнущими хлоркой и спиртом.

– Алиса Львовна, к вам пациентка на двадцать второй неделе, вторая беременность, жалобы на тянущие боли внизу живота, – докладывает Надя, и Алиса кивает, надевает свежие перчатки и поправляет халат, под которым скрывается живот – пока ещё незаметный для посторонних, но уже ощутимый для нее самой. Каждый день она запрещает себе думать о том, когда и как скажет Потапу, потому что от этой мысли внутри разрастается липкий, холодный страх, что он снова отмахнется или не поверит.

Пациентка заходит – молодая женщина лет двадцати пяти, бледная, с тёмными кругами под глазами и тихим, почти беззвучным плачем, который она пытается скрыть, но не получается. Алиса сразу чувствует её запах – горьковатый, с нотами ацетона и тревоги, которые выдают обезвоживание и страх, смешанный с усталостью. Лисье обоняние, которое она унаследовала от матери, никогда не обманывает её: болезни пахнут по-разному – гнилью, сладостью, кислым молоком, железом, – и за годы работы в гинекологии она научилась различать эти оттенки лучше любого лабораторного анализа. Запах при нормальной беременности пахнет сладковатым, чуть молочным флюидом, а когда что-то идёт не так – появляются кислые нотки, как от испорченного кефира, или металлические, как от свежей крови.

– Раздевайтесь ниже пояса и ложитесь на кушетку, – говорит Алиса, пока пациентка сначала замирает, а потом начинает послушно стягивать джинсы. Она смотрит на её живот – второй триместр, но живот не такой большой, как должен быть, и кожа на нём натянута неестественным блеском. Алиса подходит ближе, кладёт руки на прохладный, влажный от пота живот, и начинает пальпировать – мягко, осторожно, чувствуя края матки и шевеление плода, который бьётся где-то глубоко, как загнанный зверёк.

– Когда начались боли? – спрашивает она, не отрывая рук.

– Три дня назад, – всхлипывает женщина. – Сначала тянуло, а сегодня утром стало резать, и я испугалась.

Алиса закрывает глаза, принюхивается – запах кислый, но не резкий, значит, инфекция ещё не перешла в гнойное воспаление, но если не начать лечение, через несколько дней плодные воды начнут пахнуть гнилью, и тогда будет поздно. Она открывает глаза, обводит взглядом карту, видит результаты предыдущих анализов – скрытый уреоплазмоз, который не долечили до конца, и теперь он поднялся выше, угрожая околоплодным водам и самому ребёнку.

– Вам нужно лечь в стационар, – говорит Алиса, убирая руки и снимая перчатки. – Прямо сегодня. Я выпишу направление. Там поставят капельницы, назначат антибиотики, и через неделю вы забудете о болях.

– А ребёнок? – женщина смотрит на неё с таким ужасом, что Алиса чувствует, как её собственное сердце сжимается в ответ.

– С ребёнком всё будет в порядке, если не тянуть, – уверенно отвечает Алиса, хотя знает, что гарантий никто не даёт, но лучше твёрдая ложь, чем паника, которая поднимает давление и усиливает тонус матки. Она заполняет бланк направления, отдаёт его женщине и провожает до двери, а когда та уходит, садится за стол и на минуту закрывает лицо руками. Она гладит живот через ткань халата и думает о том, что скоро он станет таким же уязвимым, как этот плод на двадцать второй неделе, и её собственный страх перерастает в панику, которую она не может себе позволить.

Следующая пациентка приходит через десять минут – на этот раз женщина лет сорока, с вечным запахом усталости и подавленности, который Алиса чувствует за версту. Женщина пришла

на контрольный осмотр после выскабливания – замершая беременность на шестой неделе, тело не приняло эмбрион, и теперь она плачет тихо, всё время, пока Алиса осматривает её на кресле, и эти слёзы пахнут хлоркой и горечью, как от пережжённого кофе.

– Всё зажило хорошо, – говорит Алиса, убирая инструменты. – Можно планировать следующую беременность через три-четыре месяца. Организм восстановится.

– А вдруг опять? – шепчет женщина. – Я уже боюсь.

– Бояться – это нормально, – отвечает Алиса, хотя сама боится не меньше, но не за тело, а за то, что Потап скажет ту самую фразу, которая перечеркнёт всё, или, что ещё хуже, промолчит и уйдёт, оставив одну с этим ребёнком, которого она уже любит, хотя он ещё меньше, чем её мизинец. Она выписывает рецепты, назначает дату следующего визита и прощается, а когда остаётся одна, достаёт телефон и смотрит на пустой экран – Потап не написал ни разу за день, и она знает, что он в больнице, сейчас, наверное, в операционной или в ординаторской, пьёт кофе и флиртует с Зиной, пока она сидит здесь и пытается спасти чужие беременности, не имея сил позаботиться о своей.

В обеденный перерыв она заходит в подсобку, разогревает контейнер с гречкой и курицей, которую приготовила с вечера, садится на скрипучий стул и смотрит в окно, где за мокрым стеклом проплывают серые питерские тучи, низкие, тяжёлые, похожие на её мысли. В кармане халата вибрирует телефон – мама звонит ей каждый день в одно и то же время, и Алиса всегда берёт трубку, даже если не хочет говорить, потому что мама единственная, кто знает о её беременности раньше, чем Потап, и единственная, кто может её поддержать, не задавая лишних вопросов.

– Привет, мам, – говорит Алиса, и её голос звучит устало.

– Что голос такой? – спрашивает мама, и в её голосе слышится та самая тревога, которую Алиса помнит с детства. – Опять не выпалась?

– Работаю много, – уклончиво отвечает Алиса, ковыряя вилкой гречку. – Ты как?

– Алиса, – мама понижает голос, и Алиса знает, что сейчас начнётся главный разговор.

– Ты ему сказала? Потапу своему?

– Нет ещё, – Алиса отставляет контейнер и трет переносицу пальцами. – Всё не решаюсь. Он сейчас зашивается на работе, операций много, я его почти не вижу.

– Так ты скажи, не тани, – мама говорит жестковато, но Алиса чувствует под этой жесткостью страх – такой же, как у неё самой. – Ребёнку отец нужен.

– Мам, – Алиса сжимает телефон так, что пластик скрипит. – Ты же знаешь, какой он. Он может не обрадоваться.

– А ты не обрадоваться ему покажи, – советует мама. – Ты теперь не одна. Ты – мать. Ты должна требовать своё, иначе он сядет на шею и ножки свесит.

Алиса молчит, потому что мама права – удобной быть страшно, а быть неудобной ещё страшнее, потому что если она начнёт требовать, он может уйти, и тогда она останется одна с ребёнком, без денег, без поддержки, как когда-то её мама. Но внутри уже вырос тот самый холодный стержень, который появился в ту ночь, когда она смотрела на спящего Потапа и шептала «я больше не буду удобной».

– Может быть, – отвечает Алиса, потому что Потап спал с ней три раза за последний месяц и ни разу не спросил, есть ли у неё какие-то проблемы или радости.

Они прощаются, Алиса кладёт телефон на стол и смотрит на список контактов, где имя «Потап М.» подсвечено синим, и понимает, что набирать этот номер сейчас она не может, потому что расплатится прямо при медсестре, которая зайдёт через минуту за чайником. Она убирает телефон в карман и идёт мыть руки перед следующим приёмом, чувствуя, как внутри неё пульсирует страх, смешанный с решимостью, и как её лисье чутьё улавливает собственный запах – кислоту стресса, перебивающую сладковатый аромат беременности.

Вечером, когда все пациенты приняты, а анализы отправлены в лабораторию, Алиса сидит в опустевшем кабинете, смотрит в окно на зажигающиеся фонари. Она пишет сообщение: «Потап, мне нужно тебе кое-что сказать. Очень важное. Позвони, когда освободишься». Ставит телефон на беззвучный и идёт в раздевалку переодеваться, потому что ждать ответа можно вечно.

В раздевалке она снимает халат, смотрит на себя в зеркало – живот уже чуть заметен, если приглядеться. Она кладёт руку на пупок, шепчет: «Ну что, малыш, будем жить вдвоём с мамой?» – и чувствует, как внутри разрастается тепло, подтверждая, что она не одна, даже если весь мир против неё.

Телефон молчит. Алиса выходит на улицу, садится в машину и едет домой, а по пути заезжает в продуктовый магазин и покупает коробку конфет – для себя, потому что сегодня можно, потому что она заслужила сладкое после дня чужих страхов и слёз. Дома она переодевается в пижаму, заваривает чай с ромашкой, залезает на диван с ногами и включает фильм – какой-то старый, черно-белый, который идёт фоном, пока она смотрит на телефон, лежащий на кофейном столике, и ждёт, когда экран засветится уведомлением.

В одиннадцать вечера телефон пиликает – сообщение от Потапа: «Приду завтра. Не жди». Точка, ни приветов, ни объяснений, ни вопроса о том, что она хотела сказать. Алиса перечитывает сообщение три раза. Она не заплачет, не сегодня. Она завтра сама поедет к нему в больницу, войдёт в кабинет, закроет дверь и скажет всё в глаза, даже если он будет занят, даже если Зина будет стоять рядом и сверлить её взглядом, полным ненависти и зависти. Она больше не удобная. Она – мать. И её ребёнок узнает, как его папа отреагировал на новость о его существовании, даже если эта реакция разобьёт её сердце на тысячу осколков.

Глава 5. В подсобке между операциями

В операционной всё идёт по плану – пациент под наркозом, мониторы пищат ровно, ассистентка подаёт инструменты, а Потап уже заканчивает ушивать разрез, когда краем глаза замечает, как Жанна, анестезиолог, отходит от аппарата и скрывается за ширмой, где стоят шприцы и запасные системы. Она делает это не в первый раз – уходит раньше, чем нужно, чтобы привести себя в порядок или просто чтобы он успел выйти из операционной и нагнать её в подсобке. Потап знает её запах – терпкий, женский, с нотами кофе и ванили, такими же искусственными, как у Зины, но хотя бы не такими приторными. Сегодня этот запах гуще, влажнее, и Потап понимает, что Жанна уже готова, уже ждёт, уже мокрая, и это заставляет его закончить ушивку быстрее, чем обычно.

– Заканчивай без меня, – бросает он Косте, снимает перчатки, бросает их в утилизатор и выходит в коридор, даже не взглянув на мониторы, потому что показатели стабильные.

Он идёт в подсобку, где хранятся шприцы, катетеры и запасные ампулы, толкает дверь плечом и видит Жанну – она стоит за ширмой, спиной к нему, и поправляет халат, который уже расстегнут до пояса, а под ним – только чёрное кружево трусов и голые ноги. Потап подходит ближе, принюхивается, и на его губах появляется усмешка.

– Я чувю, ты уже вся мокрая только от звука моих шагов, – говорит он, останавливаясь у неё за спиной, и Жанна вздрагивает, оборачивается, и в её глазах горит тот самый голод, который она не умеет прятать.

– А ты долго, – отвечает она, и её голос звучит хрипло, с придыханием. – Я уже думала, ты не придёшь.

– Не дождёшься, – рычит он, но не спешит хватать её и грубо входить, как он делает это обычно, ведь Жанна уже рожала два раза. Сегодня он хочет растянуть удовольствие, посмотреть, как она будет плавиться под его руками и языком, прежде чем он войдёт.

Потап разворачивает её к себе, прижимает спиной к стеллажу, и одной рукой расстёгивает её халат до конца, оголяя грудь – большую, с тёмными сосками, которые уже встали от одного его присутствия. Он наклоняется и берёт один сосок в рот, облизывает круговыми движениями, прикусывает, и Жанна стонет, запрокидывая голову и вцепляясь пальцами в его плечи. Вторая его рука скользит вниз, под кружево трусов.

Потап накрывает её лобок поверх трусов, чувствуя тепло и влажность, проступающие сквозь ткань, и начинает гладить – медленно, надавливая ладонью на всю область сразу, так, что её низ живота прижимается к его руке. Жанна вздрагивает, выгибается, пытается раскрыть бёдра шире, но он не даёт, придерживая второй рукой за талию. Он водит пальцем по кружеву, точно по линии её влажных складок, и чувствует, как ткань становится всё мокрее, как её сок пропитывает тонкое кружево, делая его скользким. Жанна стонет, кусает губу, а он вдавливая палец сильнее, нащупывая клитор через преграду, и надавливает на него круговыми движениями, заставляя её всхлипывать и вцепляться в его плечи.

Она уже не стоит – она висит на нём, обмякшая, готовая кончить от одного только трения кружева о набухшую чувствительную точку, но Потап убирает руку, когда её дыхание начинает сбиваться. Он медленно, демонстративно спокойно, запускает пальцы под резинку трусов, стягивает их вниз, оголяя влажные, блестящие складки, и смотрит на неё сверху вниз с усмешкой. Только после этого он садится на корточки и проводит языком по внутренней стороне её бедра, заставляя её ждать ещё немного.

Потап усаживает её на стол и раздвигает её ноги шире и смотрит на то, что открылось его взгляду – нежно-розовые складки, набухший клитор, блестящий от сока, и запах, от которого у него темнеет в глазах.

– Смотри на меня, – приказывает он, и она опускает взгляд, встречается с его жёлтыми глазами, горящими из-под полуопущенных век.

Он проводит языком по внутренней стороне её бедра, от колена до паха, медленно, с нажимом, и Жанна вздрагивает, сжимает его голову бёдрами, но он отстраняется, усмехается и повторяет движение. Потом накрывает ртом её клитор – сразу, глубоко, обсасывая и одновременно водя языком, и она кричит, зажимает рот рукой, потому что чувствует, как к оргазму подбирается быстрее, чем когда-либо.

– Не смей кончать раньше меня, – рычит он, но не убирает рот, только добавляет палец, который входит в неё плавно и глубоко, нащупывая ту самую чувствительную точку на передней стенке.

– Пожалуйста, – шепчет она, и в её голосе слышна мольба. – Потап, пожалуйста, дай мне кончить.

– Проси, – рычит он, не отрываясь. – Громче.

– Пожалуйста! – кричит она, когда он всасывает и одновременно надавливает языком в такт пульсации.

Она выгибается с протяжным, почти болезненным стоном, вцепившись пальцами в его волосы, и Потап чувствует, как её сок течёт по его подбородку, капает на пол, и продолжает ласкать языком, пока она не затихает, обессиленная, с мутными глазами и открытым ртом.

– Мокрая, как кошка в течку, – бормочет он, расстегивая брюки, надевая презерватив и проводя головкой по её складкам, собирая сок и размазывая его по своему стволу. – И пахнешь так, что я чуть не кончил ещё в коридоре.

– Тогда давай быстрее, – выдыхает она, и он больше не ждёт – входит одним резким движением, глубоко, на всю длину, и Жанна кричит, давится криком, зажимает рот рукой, чтобы никто не услышал.

Потап закидывает её ноги себе на поясницу, прижимается грудью, и начинает двигаться – жестко, с оттяжкой, каждый раз заставляя её вздрагивать и сжиматься вокруг него. Он смотрит на их отражение в стекле шкафа – его огромная фигура в хирургической шапочке, её трясущиеся ноги, – и чувствует себя богом, который может взять любую, когда захочет, и никто не посмеет отказать.

Жанна стонет, шепчет что-то неразборчивое, пытается дотянуться рукой до своего клитора, но он перехватывает её запястье, заламывает руку за спину и рычит:

– Не смей. Только я решаю, когда ты кончишь.

Она всхлипывает, но подчиняется. Потап меняет ритм – из глубоких, размашистых толчков переходит на короткие, частые, почти вибрирующие движения, войдя на всю длину, и Жанна уже не стонет, потому что это пытка – быть на грани и не мочь кончить без его разрешения.

– Давай быстрее, – шепчет она ему на ухо, кусая за мочку. – У меня через десять минут лапароскопия. Я... я сейчас... – задыхается она, и Потап отпускает её руку, зажимает ягодицу своей ладонью, и от этого она кончает – резко, громко, с криком, который разносится по всей подсобке.

Он продолжает двигаться, не сбавляя темпа, чувствуя, как её мышцы пульсируют вокруг него, сжимаются и разжимаются, но в какой-то момент ему становится тесно в этой позе, хочется большего простора, чтобы войти глубже, жёстче. Потап выходит из неё, игнорируя всхлип разочарования, и грубо разворачивает Жанну, толкая грудью на стол, заставленный стерильными салфетками и пластиковыми колпачками. Она успевает только охнуть, когда он нагибает её, заставляя уткнуться лицом в столешницу, и раздвигает ноги шире.

– Стой смирно, – рычит он, и она замирает, вцепившись пальцами в край стола.

Потап входит снова, теперь уже сзади, одним резким, глубоким толчком, и Жанна вскрикивает, потому что этот угол позволяет ему проникать ещё дальше, задевая что-то внутри, от

чего у неё темнеет в глазах. Он не даёт ей опомниться, начинает двигаться. Потап смачивает палец в её соке, который течёт по внутренней стороне бедра, и пристраивает его у входа, проталкивая вместе с членом. Жанна стонет, сжимается, пытается приспособиться к двойному проникновению, но он не ждёт – второй палец входит следом, растягивая её ещё сильнее, и теперь каждое движение члена сопровождается давлением на переднюю стенку, а кончик большого пальца находит её клитор, твёрдый, набухший, и начинает водить по нему круговыми движениями в такт толчкам.

– Ох... Потап... – выдыхает она, и её голос срывается.

Она чувствует, как её мышцы пульсируют, сжимают его член, и от этого мир перед глазами расплывается в белёсую пелену. Потам облизывает пальцы другой руки и находит её грудь под халатом, трет её сосок, зажимает его между пальцев с оттягом. Потап трахает её мелко, быстро, почти судорожно, и она уже не стонет, закусив губу, чтобы не закричать на всю больницу. Слюна течёт из уголка её рта и капает на столешницу, но ей всё равно – она даже не утирает ее.

Он чувствует, как её тело начинает дрожать, как внутренние мышцы сжимаются в предоргазменной судороге, и ускоряется ещё сильнее, переходя почти на вибрацию. Большой палец на клиторе давит чаще, жёстче, и Жанна кончает – резко, громко, с протяжным воем. Сок брызжет на пол, заливает подол её халата, клитор горячо пульсирует под его пальцем. Потап чувствует, как её влагалище сжимает его член с невероятной силой, и это толкает его за грань – он кончает следом, глубоко, не вынимая, уткнувшись лицом в её затылок и рыча так низко, что, кажется, вибрируют стёкла.

Несколько секунд они стоят неподвижно, тяжело дыша. Потом он выходит, стягивает презерватив, застёгивает ширинку и поправляет халат, даже не взглянув на неё.

– Ты... ты хоть скажешь, – шепчет Жанна, всё ещё стоя в локтевой и пытаясь отдышаться. – Что я у тебя лучшая?

– Меня ещё три бабы ждут в очереди, – отвечает он, разворачивается и идёт к выходу, бросая через плечо: – Не скучай.

Он не видит, как Жанна провожает его взглядом, полным обиды и желания, но он чувствует запах её разочарования – кислый, горький, как пережаренный кофе, – и ему плевать. В коридоре он проходит мимо открытой двери соседней подсобки, где Зина стоит у стеллажа с картриджами для кулера, и краем глаза замечает, как она торопливо убирает руку из-под юбки и краснеет до корней волос. Он чует её запах – влажный, с нотами её же собственного возбуждения, – и понимает, что Зина подглядывала за ними сквозь щель в двери и доводила себя до оргазма, слушая его рычание и стоны Жанны. Потап даже не останавливается, только усмехается и идёт дальше, оставляя Зину в смущении и унижении, от которого она, впрочем, не откажется, потому что завтра она снова будет ждать его в ординаторской с кофе и глупой надеждой в глазах.

В операционной он надевает свежие перчатки, берёт скальпель и делает первый разрез, такой же точный и уверенный, как всегда. Руки не дрожат, пульс ровный, дыхание спокойное. Ассистентка подаёт ему зажим, он клипсует сосуд, отсекает, ушивает, и всё это под тихое пиканье мониторов и равнодушные лица коллег, которые даже не догадываются, где он был и что делал десять минут назад. В перерыве между наложением швов он вдруг вспоминает Алису – её глаза, полные слёз, её руки, дрожащие над тарелкой с ужином, её сказанную новость, которую она так и не успела произнести. Он отгоняет это воспоминание, потому что сейчас не время думать о бабах, которые хотят от него чего-то большего, чем член, – сейчас нужно доделать операцию, спасти очередного пациента, а потом можно будет вернуться в ординаторскую, выпить кофе и, может быть, позвонить Алисе. Или нет. Ещё успеется.

Глава 6. Хрупкое

Он сидит в своём кабинете, расстегнув несколько пуговиц на рубашке – так, что видна волосатая грудь с царапинами, происхождение которых она предпочитает не уточнять, – и пьёт кофе из бумажного стаканчика, когда она входит без стука. Нет сил даже на то, чтобы постучать, руки дрожат, и живот, ещё плоский, но уже хранящий в себе маленькую тайну, почему-то кажется тяжёлым, как камень. Алиса закрывает за собой дверь, и в кабинете пахнет им – лесным, горьковатым, с примесью дорогого табака и антисептика, которым он моет руки. Она вдыхает этот запах, и к горлу подкатывает тошнота, но не от токсикоза, а от предвкушения, от страха, от того, что сейчас всё изменится – или, наоборот, останется по-прежнему, и она снова не услышит того, что хочет услышать.

Потап листаёт истории болезней, даже не поднимает головы, когда она заходит, только бросает: «Закрой дверь, сквозит». Алиса закрывает, подходит к столу, садится на стул напротив и смотрит на его руки – большие, с длинными пальцами, в которых скальпель никогда не дрожит. Эти руки ласкали её ночью, мяли грудь, входили в неё, а сейчас перебирают бумаги, и ей кажется, что она видит их впервые, такие чужие, такие равнодушные. Она мнет край своей блузки, сглатывает, и слова застревают где-то в горле, потому что она сто раз репетировала этот разговор перед зеркалом, но сейчас все заготовленные фразы рассыпались, как дешёвые бусы.

– Потап, – говорит она, и голос её звучит слишком тихо, почти шёпотом. – Я хотела тебе кое-что сказать.

– Говори, – он поднимает голову, и его серые глаза, спокойные, чуть уставшие после смены, смотрят на неё без особого интереса. – Только быстро, у меня через пятнадцать минут операция.

Алиса чувствует, как внутри неё сворачивается тот самый ком тревоги, который она знает с детства, и ей хочется встать и уйти, не говоря ничего, потому что если он сейчас не обрадуется, если он сейчас усмехнётся или, хуже того, промолчит, она не переживёт этого. Но ребёнок словно подталкивает её изнутри: «Скажи. Скажи сейчас». Она делает глубокий вдох, сжимает руки в кулаки под столом и выдыхает:

– Я беременна. Твоим ребёнком.

На секунду в кабинете повисает тишина, такая плотная, что слышно, как тикают часы на стене, как вентиляция гудит за подвесным потолком, как где-то в коридоре сестра катит каталку с инструментами. Потап откидывается на спинку кресла, смотрит на неё, и на его лице нет ни шока, ни радости, ни удивления – только усталая, ленивая усмешка, которая появляется, когда он слышит что-то несерьёзное, несостоящее его внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.